

Евгений Акуленко

Поводырь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Акуленко

Поводырь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331603

SelfPub; 2020

Аннотация

Компактный наладонник достался в наследство с прежних времен. Он помогает жить. Хотя, нынче правильнее было бы сказать: не умереть... Содержит нецензурную брань.

«Здесь встану!»

Праник решительно скинул рюкзак, сел на землю, вытянув гудящие ноги. Место и впрямь хорошее. Крохотная полянка на опушке, там, где лес переходит в кустарник, встречаясь с луговиной. Родничок журчит, березки, вон... Он сейчас где угодно бы остановился. Просто рухнул бы, где стоял и все. Четверо суток марша по радиоактивным равнинам отняли остатки сил. Там разлеживаться не будешь. Каждая лишняя минута – лишняя доза. Поэтому лучший способ передвижения – бегом. Где пятна почище, можно пару часов поспать, скушать йод и дальше.

Кстати. Праник закинул в рот горсть таблеток, старательно разжевал. Взгляд случайно упал на прибор. На полоску безопасности, что доползла до ярко-оранжевой отметки и останавливаться, судя по всему, не собиралась.

«Да иди ты!» – Праник с растянулся на сухой траве, прикрыл глаза.

Компактный наладонник достался в наследство от прежних времен. Серьезная когда-то была вещь. Топосъемку прибор отображал с детализацией сказочной, с объектами движущимися, не движущимися и скрытыми. Прогнозировал траектории, степень угрозы, рассчитывал маршруты. Мозгов в него напихали столько, что ни одному «айподу» или «айфону» не снилось и в помине. Оно ведь, как в том анекдоте про барабан мастера Страдивари, который скрипки для лохов делал, а для реальных пацанов, такие

вот ляльки, да... Еще выдавал прибор массу иной информации, косвенной, но жизненно-полезной, начиная от метеосводок и заканчивая расписанием электричек на каком-нибудь полустанке. Это не говоря уже про встроенный газоанализатор, дозиметр, тепловизор. Обслуживал устройство подотдел ГРУ. Проект со сложной аббревиатурой получил тогда название «Поводырь». Незаменяемым подспорьем должен был оказаться прибор разведывательно-диверсионному отряду на территории врага.

Нынче съемку местности проводить некому. Спутники сбиты, вычислительные центры сгорели, электрички не ходят. И метеосводка день ото дня одна и та же: холодно, пасмурно, вероятны радиоактивные осадки.

Вдобавок, случился как-то у Праника один неудачный спор. С одними спорщиками. В результате, сидел теперь в наладоннике осколок его же собственной гранаты – встрял намертво. С одной стороны, обидно, конечно, до нельзя. С другой, еще как посмотреть. Лучше уж в прибор осколок, чем в живот. Так вышло, что оппоненты его тогда умерли. А он, Праник, нет. Хотя и потерял товарный вид и целостность нескольких ребер. Так что, можно сказать, удачный спор для него вышел.

А прибор продолжал работать. В смысле, включался. Но казал, конечно, ахинею, ведомую лишь компьютерному аллаху. Починить его было невозможно, выбросить жалко. Да и жизнь спас, как-никак. Вот Праник его и таскал, как тама-

гочи. Разговаривал даже иногда. Оно понятно, людей теперь нечасто встретишь. А встретишь таких, что уж лучше бы не встречал...

Из полудремы выдернул бикающий зуммер. Праник с досадой воззрился на шкалу, показывающей красный алый уровень опасности.

«Ну, чего тебе приключилось, а?»

Обычный армейский, сто раз проверенный дозиметр показывал норму. Вокруг ни души. Тихо, спокойно. Пичужки неиздохшие свистят. Но снова закемарить Праник не смог: под ложечкой заняла тревога. Кряхтя, поднялся на ноги, отошел на полста шагов в сторону – индикатор угрозы слегка опустился вниз. Вернулся назад – снова высшая степень опасности.

– Сука! Разобью!

Праник зло подхватил рюкзак и подорвался прочь, не сводя с прибора глаз. Остановился только когда полоска позеленела.

– Доволен?

«Поводырь» был доволен. Праник – нет. Здесь, на вершине холма дул ветер, пронизывал до костей. Дров нет, костерок не развести. Сегодня не согреться, не смотреть на огонь, облизывающий маленький плоский котелок. А чего случись – прятаться негде и бежать далеко. Праник с тоской поглядел на оставленную полянку в уютной ложине, раздумывая, не вернуться ли.

В этот момент из-за облаков упала звезда. Точнее, показалось, что упала звезда. В вышине раскис шар, похожий на взрыв фейерверка, и в следующую секунду полянка, луговина и добрый кусок леса превратились в полыхающее месиво. Стегнула по перепонкам, опрокинула навзничь ударная волна: пригнуться Праник не догадался. Поднялся, помотал звенящей головой, и часто сглатывая, попытался прогнать из ушей ватную тишину. Площадь в пару гектаров будто пропустили через мясорубку: обугленный бурелом, дымящиеся длани вывороченных корневищ, взрытая земля. Что-то жажнуло серьезное, кассетного типа. Праник не специалист... Откуда? Да Эйнштейн его знает откуда!.. Завалялось где-то и прилетело, мало ли... До хрена еще таких сюрпризов.

Праник глянул на прибор, на зеленую шкалу, сглотнул нервно. Словно извиняясь, тронул острое ребро осколка.

– Надо же...

И поскреб в затылке озадаченно:

– А птичкам-таки пиздец...

Разбитые берцы вращали Землю, приближали горизонт. Вся нынешняя жизнь Праника – путь куда-то. А жизнь прошлую он едва помнил. Иногда перед глазами вставали жена с ребенком, истаявшие в атомном аду. Старенькие родители, убитые мародерами... Дорога заглушала боль. Если дать воспоминаниям волю, они брали за горло. Тогда рука непро-

извольню ошупывала рифленую рукоять и тянула к виску пистолет. «Глок» с тремя патронами. С тремя билетами в вечную тьму. Но что-то глубинное, впитанное с молоком матери заставляло разгибать палец на спусковой скобе. Наверное, та же сила, что движет крохотным ростком, пробивающемся к свету сквозь труху и перегной. Сила, которую и называют: жизнь.

Когда становилось совсем плохо, Праник находил дерево потолще, вставал на колени и бился головой о ствол. До тех пор, пока переставал слышать что-либо, кроме гула огромного колокола. Пока не забывал, кто он и откуда.

Праник шел на восток. Заставив себя поверить, что где-то на берегу большой реки есть место, где живут простые и счастливые люди. Шел, чтобы остаться там навсегда. Когда в лицо лепила пурга, когда подгибались от голода ноги, он представлял себе те края в мельчайших деталях. Представлял тайгу, провисающие под тяжестью снега еловые ветки, воздух сухой и чистый до звона, себя представлял в овчинном полушубке бегущим на коротких охотничьих лыжах, отороченных мехом соболя.

Раньше многих почему-то привлекала тема конца мира. То ли как идея очищения общества огнем, возрождения из пепла. То ли как научно-популярные изыскания, дескать, за сколько столетий планета переработает все дерьмо, что оставит после себя человек-разумный, как венец собственного существования. То ли как безумная подростковая блажь: по-

добрать у мертвого милиционера табельный «ПМ» и отправиться собирать аптечки, заботливо разложенные по углам, неотвратно превращаясь в постатомного рыцаря, что без страха и упрека крошит в мелкий винегрет банды головорезов. Вот еще несусветная, нечеловеческая глупость! Вверх всплыла мразь, бандиты, зверье. Те, кто меньше всех раздумывал перед тем, как вдавить курок. Те, кого не сковывали совесть и моральные принципы. Уж никак не заигравшиеся тинейджеры.

Разные случались времена. Эпидемии, войны, геноцид, концлагеря. Но такого не бывало никогда. Не то страшно, что голод, что не плодоносит земля, что выжили горстки и роженицы несут уродов. Нет надежды. Истают последние запасы, ветра и дожди разрушат уцелевшие постройки, знания канут в лету вместе с остатками прежних поколений и человечество вернется в первобытный строй. Если выживет вообще.

Праник зло пнул ржавую банку.

И поделом! Все виноваты! Все без исключения, вместе, на зависть задорно, слаженно и в кратчайшие сроки, сковавшие медный таз, накрывший все. Своим попустительством, потворством, превратившись в потребителей нажористых комиксов.

Можно долго рассуждать о паритете, о государствах, о прогрессе, о том, что рядовому обывателю не под силу и не надлежит... Вот если только представить на миг, зажмурившись, что явится с неба ангел, махнет крылами и вернет

все назад, мертвых воскресит из пепла, поднимет города из руин. Так воскресит, чтобы те помнили все до капли, всю боль свою, всю безысходность... Что будет? Что будет, сказать?!.. Напильниками перетрут и боеголовки, и средства доставки, и всю остальную хрень в однородную стружку. Бетонные склепы бункеров раскопают ногтями. Над океанами развеют пепел чертежей. И потомков своих закланут, чтобы те никогда, никогда, никогда!..

Только не явится такой ангел...

Жилище Праник почуял заранее. И не надо тут заканчивать школу прапорщиков – любой бы почуял. Если, конечно, этот любой не слепой глухой инвалид в противогазе. Вон, след от волокуши, то дровишки тащили. Поодаль ветки набросаны, листва подвяла, но не засохла, недавние стало быть. На сучке лоскуток висит с темными пятнами – это кто-то руку рассадил, тряпкой замотал, да зацепился, видать. И конские каштаны, литературно именуемые «лошадкиными кашками», валяются. Что радостно, на удивление. Потому как съеденные лошадки какать не умеют, а значит, не все плохо в селении с продовольствием.

За пригорком открылся поселок: несколько длинных кирпичных зданий под двускатной крышей, бывшая колхозная ферма, коровники или свинарники. Из провисших сводов густо торчали печные трубы, дыры провалов прикрыты где ржавым железом, где кусками шифера – без сомнения, оби-

тали там теперь животные другие. Подле беспорядочно сбились в кучу обтянутые целлофановой пленкой теплицы, похожие издали на грязную овечью отару. Праник не сразу сообразил, что это за матовые купола с выпирающими ребрами грубых каркасов. В селение вела заросшая дорога, выложенная бетонными плитами. Вдоль кривились столбы электропередач с оборванными проводами. Вход преграждал внушительный ров и блокпост с бойницами в стенах, сложенный, не иначе, из тех самых выкопанных плит.

Пискнул прибор, уверенно показывая впереди людей, кров и еду.

– Да что ты! – изумился Праник.

И двинулся к поселку, стараясь держать руки на виду и не делать резких движений.

Встретили его довольно дружелюбно. Трое дюжих хлопцев в телогрейках и с автоматами наперевес попросили «дать поддержать» оружие. Уверенно, но вежливо.

– Проходом или дело какое будет? – поинтересовался один, видимо старший.

Праник нерешительно развел руками:

– Еды бы сменял...

– То можно, – охранник кивнул. – Пошли до бригадира! – и по-свойски хлопнул Праника по плечу.

Бригадир, как и положено, отыскался в старой колхозной конторе, на втором этаже, в кабинете за соответствующей табличкой: «БРИГАДИР УЧАСТКА». Все здесь оста-

лось нетронутым, казалось, еще с советских времен: оранжевые шторы, неровный паркет, сейф, выкрашенный масляной краской, длинный лакированный стол с темными пятнами неаккуратно припаркованных сигарет, бюст Ленина, графин с водой. В обстановку органично вписывался стойкий запах перегара. Если бы не короткий, десантного исполнения «калашников», перекинутый через спинку стула, и не кожаная кепка, водруженная на Ильича, ни дать ни взять, поселковая контора эпохи застоя.

Во главе стола восседал дородный лысый дядька. Сопя и отдуваясь, безуспешно гонял по трехлитровой банке одинокий огурец застрявшей в горлышке пухлой пятерней. Отчаявшись, нацедил в граненый стакан мутного рассола, мерно принял. Утер губы рукавом и пояснил простодушно:

– Праздник урожая отмечали вчера.

Звали бригадира Салоп. Имя ли это, фамилия или прозвище Праник переспрашивать не стал. Заметно было невооруженным глазом, что держал здесь всех этот дядька своей пухлой пятерней железно, по манерам, по речевым интонациям и пристальному тяжелому прищурю.

Материальные ценности, предложенные Праником к обмену, осмотрел он без энтузиазма. Покрутил пару осколочных гранат, несколько золотых цепочек, попробовал протолкнуть толстый палец в колечко с камнем, для порядка скорее, уж слишком бросалось несовпадение диаметров. Пачку российских рублей вперемешку с долларами сразу

отодвинул брезгливо – бумага. Цикнул зубом, так себе, мол, ценовое предложение.

– Ты пойми правильно, мил человек, на что мне эти цацки?

Праник пожал плечами и сгреб имущество обратно в рюкзак. Чем богаты.

– Инструмент возьму, оружие, патроны, – Салоп повозил ногтем по полировке, – топливо, лекарства, там... Порнуху...

Праник усмехнулся.

– Разве что сам снимусь...

Бригадир поскреб небритый подбородок, о чем-то раздумывая.

– Может, останешься? Сезон сейчас, люди нужны. Оплата харчами. Не боишься работы?

– Не боюсь, – Праник помотал головой.

Что-то подкупило его в этих мужиках. Может открытость и простота, а может просто соскучился по человеческому общению.

– Так что, по рукам? – Салоп подмигнул.

– По рукам.

– А имущество свое здесь можешь оставить. Потом забережь в целости.

Пахло в бараках плохо. Испарения животных, ароматы пота и давно не мытых тел, ворохи грязного тряпья по углам

образовывали неповторимый устойчивый и отнюдь не кислородный коктейль. Вдобавок, было очень душно: берегли тепло. Каждая щелочка забита паклей, двери до пола забраны плотной мешковиной, маленькие мутные оконца обтянуты целлофановой пленкой. Ветерок создавали только изредка пробегающие в полумраке работники. Праник себя к слабакам не относил, но побился бы об заклад, что царившая атмосфера по своей свежести и насыщенности нежными нотками дала бы порядочную фору солдатской казарме после трехдневного марша.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось внутри теплиц. Едва Праник переступил высокий неудобный порог, от едкой нестерпимой вони резануло глаза так, что вокруг поплыли оранжевые круги, а желудок пообещал вернуть весь объем принятого за последние сорок восемь часов. И еще добавить от себя. Покачнувшись, Праник уперся лопатками в дверной косяк, с трудом перевел дух, и усилием воли удержал желудок на месте: он сюда явился восполнить калорийные запасы, а не растратить последние.

– Плохо пахнет – холошо расчет! – сообщил назначенный в гиды местный труженик, по акценту и экстерьеру выдавая в себе уроженца Китайской народно-демократической республики.

Представился он, как Цин. Не «Петя», не «Вова», не «помогайка», как обычно любят ассимилироваться в русскоязычной среде уроженцы поднебесной. Нет, по имени, крат-

ко, но уточнив пару раз, как правильно. Был он невысок, худ, голову имел большую круглую, как шар, с изрядной проплешиной и жидкий хвостик волос, цепляющихся еще за жизнь. Цин так Цин, Праник пожал плечами, запомнить легко, была, помнится, в Китае такая династия. Или эпоха... Или и то, и другое сразу.

Праника определил китаец таскать воду для полива. На заднем дворе фермы старую силосную яму заполняло озеро желтой жижи, что приобрела свой цвет то ли от сливаемых туда помоев, то ли от кучи драных капроновых мешков с фосфатными удобрениями, размываемой дождями подле.

Праник знал по опыту, что места подобные лучше огибать стороной, потому как дозиметр вблизи них начинал стрекотать, как кузнечик в экстазе размножения, и рекорды показывал небывалые. Цин робкие опасения выслушал скептически и замахал рукой:

– Циста! Циста! – Надеюсь, видно, от цирроза печени сдохнуть раньше, чем от накопленной радиации.

Жижу сливал Праник в железное корыто. Там Цин ее щедро бодяжил, перемешивая палочкой, с каким-то порошком из зловещего вида пакетов ярко-кислотной раскраски с иероглифами. Но и этого ему казалось недостаточно. Для пущей забористости на каждое корыто приходилось еще полведра коричневой липкой массы, запах которой не оставлял, так сказать, никаких сомнений в характере происхождения.

– Кавно – хорошо! – делился опытом человек-эпоха и се-

товал: – Только мало.

И только после всего живительная влага годилась для полива.

Праник не решался поинтересоваться, не знаком ли пыливый иноземный ум с трудами писателя Войновича, но на всякий случай зарекся местный самогон не употреблять.

А меж тем, еда из земли так и перла. Праник таскал ведра по лабиринтам теплиц, едва разминаясь на узеньких дорожках с усердными аграриями, и давался диву их успехам и достижениям. Под хлюпкими скособоченными каркасами чего только не произрастало: пупырчатые огурцы, увесистые, размером с кулак, помидоры, кабачки, сахарная и красная свекла с рельефной жирной ботвой, картошка, пшеница, наливные просяные метелки, капуста, морковка, редька, именуемая «турнепсой», репчатый лук, укроп, петрушка и Мичурин знает, что еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.